

Литературная Страница

Александр ТЮНЬКИН работает во втором листопрокатном цехе, по вечерам учится в школе. В литературное объединение «Магнит» А. Тюнькин был принят по рекомендации известного в нашем городе педагога А. Шведко. Перед читателями «Магнитогорского металла» начинающий поэт выступает впервые. Пожелаем ему с первых шагов доброго творческого пути.

Коммунисту тридцатых

Палатка-памятник стоит, с которой город рос. С нее начался у реки родной Магнитогорск. И те, кто город воздвигал, с ним жизнь связал свою, в тридцатых дрался за металл, седые, но в строю. От комсомола наших дней поклон, спасибо вам. Лавина стали все мощней... И к доменным печам шагает парень-трудолюб, как шли и вы не раз со складкой плотно сжатых губ, смекалкой юных глаз. То твой наследник, ученик, хозяин в цех пришел. Величьем Родины велик отважный комсомолец. И каждый миг, и каждый час, седоволос, плечист, советом добрым учишь нас, тридцатых коммунист.

Край уральский

Дай мне крылья свои, вольный беркут степной, посмотрю на ручьи, пролечу над копной.

Струй студеных напев, шорох гальки по дну. Я, на берег присев, на ладони возьму.

Где горячая степь шелестит ковьялем, буду радостно петь я хмельным соловьем.

Дай мне силу свою, край уральский, родной. Про тебя запою — птичьим хором подпой.

Каменный цветок

Облака крылатые смотрят в синь озер. Выберусь из хаты я. — заблужусь меж гор.

Может, сказки давние, те, что я слышал, в детстве сердце ранили — полюбил Урал.

В зарослях овражистых, где шумит поток, отыщу я Бажовский каменный цветок.

Из оврага вытащу для простых людей, и подобный выточу для любви своей.

Осень

В буйный, полыхающий багрянец празднично наряжены леса, и горит рябиновый румянец, у березки в золоте коса.

У кедренка утопают ноги на грибном коричневом ковре.

Позолотой около дороги расписалась осень на траве.

Скоро тучи скроют неба просинь... На зиму прощаясь с журавлем, горько-горько зарыдает осень в полумрак пролившимся дождем.

А. ВАСИЛЬЕВ

Магнитогорск

На мир взглянула смело молодость, фанфары жизни — новостройки. Страна гордится нашим городом, народ у нас — рабочий, стойкий.

Звенит Магнитка листопадами, летит в ночах огнями белыми, поет бетонными балладами, звучит железными поэмами.

А сварка прописью надежной, искря, выделяет строки для комсомольско-молодежной моей ударной новостройки.

★ ★ ★

Лес растерял наряд пушистый, лишь кроны сосен зелены, пришла пора у сухолиста устлать дорогу для зимы.

И пустотою лес ужалил: у гнезд не слышно воркотни, в пути пернатые южане — к теплу торопятся они...

Их на груди своей растила, тебе земли не занимать... И грустной стала ты, Россия, как провожающая мать.

Жаростойкость

Мы, мальчишки, не знали мартенов, лишь читали, как стали плавятся. Но, пробив деревенские стены, дали крыльям своим расправиться.

У мартенов почти доупаду проходили курс жаростойкости, познавая рабочую правду, в огнепадах мозольными строками. Опыт есть, мы —

не зелено-молодо, и душою в пути не устали. Нервы кованы крепким молотом. В сердце — летки для огненной стали.

Сосны

Как по ступенькам, луч по соснам, играя, прыгает в лесу. А ветер пьет рассветом росным на хвое горклую слезу.

И крепнут сосны на просторе, напившись солнца и воды. Им неуступчивые горы фундамент дали из руды.

ЗДРАВСТВУЙ, УРОЖАЙ! Линогравюра П. Хныкина.

В Магнитогорск я приехал ранним апрельским утром 1933 года. Снег уже растаял, обнажая рыжую, плотно спрессованную землю. Буйный весенний ветер гнал с низовья реки острые степные запахи прошлогодней перепрелой травы. Небо стояло высокое, голубое, а солнце било веселыми лучами прямо в лицо, заставляя пассажиров жмуриться. Казалось, поезд остановился не на Урале, а где-то на Дону, и, скорее всего, в Ставрополе.

На перроне, как обычно, суегились встречающие, разыскивая родных, знакомых, а те, в свою очередь, выглядывали — пришел ли кто их встречать? Лишь немногие направлялись прямо на выход в город к поджидавшим автомашинам, а чаще всего к башкирским плетеным корзинам с одношадным хозяйством, представлявшим в ту пору основной вид легкового транспорта.

Здоровенный парень в расстегнутой телушке, из-под которой на две четверти выглядывала полотняная, петухами расшитая сорочка, дико громыхал, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону:

— Маша, Маш-ка! Я ту-та! По радио хрипло много раз повторяли, что всем прибывшим по оргнабору «надлежит собрать-

НИКОЛАЙ СМЕЛЯНСКИЙ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

ся справа на привокзальной площадке и ожидать дальнейших команд».

Я не претендовал на персональную встречу, хотя из Москвы послал в редакцию телеграмму о дне своего выезда. Номера вагона сознательно не указал, — стоит ли отвлекать людей, по горло занятых оперативными делами.

В руках — единственный чемодан. Решил сдать его в камеру хранения, чтобы свободнее добираться в соцгород, где, как мне рассказали еще в вагоне, размещается городская газета. Пока подошла моя очередь и вместо чемодана на руках оказалась крохотная квитанция, неведомо куда и как растекились все пассажиры и встречающие. На площадке понуро стояла лишь гнедая лошадка, а в плетенке блаженно дремал тощий, заросший мужичок. Я подошел, поздоровался. Ответа не последовало. Тогда обратился погромче:

— Товарищ, уснул или заболел? Мне бы в город подъехать...

снимаемые площадки грандиозного строительства.

На этот раз фигура недовольно поерзала, неспеша выбираясь из корзины:

— Зачем заболел? Поезд опаздывает?

— Да, немного опаздывает. — подтвердил я.

— То-то и она, — позлорадствовал возчик, ловко подтягивая череседельник. — Каждый день едут и едут. Вся СССР съехалась.

— А ты разве местный? — заинтересовался я.

— Сравнил. Мы скоро год как приехали. Плотником робил. Грабарем робил. Нынче по болезни на конный двор перевели. Впрочем, конечно. Мечтаю еще на мартене погреться...

Подтянув сбрую, он сел в возок, приглашая меня:

— Садись, подброшу до заводоуправления. Хозяин мой, видно, завтра зайвится...

Но вот мы и на главной магистрали. Здравствуй, Магнитка! Все рельефнее надвигаются громады доменных печей, дымоходных труб, каких-то замысловатых, неведомых мне тогда производственных объектов. Дробь перфораторов, треск электросварки, свист паровоздуховки, взрывы аммонала — все сливалось в общий гул, напоминая прифронтовой участок.

На асфальтированную трассу с бешеной скоростью врывались автомашины всевозможных марок, казалось, вот-вот сомнут в шепку наш захудалый возок. Но лошадка не обращала никакого внимания на сумасшедшую гонку моторов, уверенно пробираясь вперед.

— Доехали, значит, — объявил мне возчик, сворачивая на большую площадку и показывая на четырехэтажное здание. — Заводоуправление. А это, — указал он направо, — гостиница, ежели туда вас пустят. Желających много, а стены — не резиновые.

На гостиницу я не претендовал. Мне предстояло добраться до соцгорода.

(Продолжение следует)